

Глядя из Лондона

В середине декабря на сцене тюза по приглашению журнала «Театр» состоялась представление пьесы английских драматургов Тарика Али и Говарда Брентона «Московское золото». Пьеса имела в Англии успех и большую прессу. И вот Королевский Шекспировский театр привез в Москву три фрагмента из трехчасового спектакля, рассказывающего о нашей перестройке. Герои пьесы (ее перевод опубликован в ноябрьском номере «Театра») — Горбачев и его жена, Ельцин, Лигачев и прочие знакомые все лица. Первая же сцена посвящена на политическое целомудрие московского зрителя: мы увидели Михаила Сергеевича и Раису Максимовну в кровати; он читал на сон грядущий оперативную сводку новостей (уже просмотренную ею), она наслаждалась стихами Шелли.

Полугротескные тона, которыми окрашена интрига, в частности между Горбачевым и Ельциным, не мешали авторам «выстреливать» довольно емкими диалогами, определявшими их отношение к событиям и персонажам.

Это-то отношение с азартом и обсуждалось публикой после спектакля во время импровизированной встречи с авторами и исполнителями.

Один из соавторов — Тарик Али, пакистанец по происхождению, в прошлом «левак», лидер студенческого движения, журналист и писатель, популярный ведущий «своей» телепрограммы на Би-би-си, автор многих пьес и книг (в их числе «Революция сверху», одна из первых на Западе книг о нашей перестройке), по логике политических убеждений должен быть сторонником Ельцина. Однако герой — подлинный положительный герой пьесы — Горбачев. Естественно, сразу же спрашиваю, не изменились ли его политические симпатии после нашей трудной зимы, после всех указов, денежных страстей и, главное, трагедии в Литве?

— Нет, не изменились. Конечно, многое достойно сожаления, и в первую очередь — события в Литве, но ответственность за них лежит не только на одном Горбачеве. Прибалтийские события только подчеркнули неизбежность трагедии, которая вытекает из самой сущности пребывания на посту Президента СССР в переходный период. Я убежден, что более 50 процентов населения, жаждущего независимости, понимает, что переход к независимости не может не быть согласован с центром. Кроме того, и в Латвии, и в Эстонии много людей «полукровок», которые не представляют себе окончательного разрыва. И это та реальность, которую невозможно игнорировать. Это реальность не белая и не черная, а серая. Но серый — опасный цвет.

На мой взгляд, та тенденция, которую сегодня представляет Горбачев, — единственная надежда на сохранение страны. Максимально большая политическая и экономическая свобода, но не анархия — вот его линия, в которой я не скажу, что он преуспел, но которую он — в отличие от многих, кто его окружает, — не упускает из виду. Это линия сильного политика. Что же касается Ельцина... Конечно, его окружают умные советники, но вот что рассказал мне один человек из группы наших экономических экспертов, которая осенью была в Москве. Вместе с советниками Ельцина они обсуждали проблемы выхода из кризиса, возможности экономической реформы. Участник встречи, бывший член британского кабинета министров сказал вашему известному экономисту, что тот ему напоминает автора пособия по сексу, который никогда не спал с женщиной. Дело в том, что ученый-экономист не мог ответить на вопрос: как конкретно собирается он реализовывать свой план в реальных условиях?

Сам же Ельцин мне даже нравится, но ни по политической зрелости, ни тем более по политическому мышлению его невозможно сравнить с Горбачевым. Кроме того, фигура Ельцина у нас в определенном смысле собирательная, он выступает от имени большинства взвешанных радикалов, а уж вот о ком я могу сказать: хорошего мало. В первой части пьесы Ельцин у нас вполне положительный герой, он — секретарь Московского комитета партии и борется с коррупцией аппарата. Потом мы показываем, как его свалила связь между мафией и партаппаратом.

— Вы уверены, что именно эта связь и свалила Ельцина?

— Конечно! То, что такая связь была и что она стала главным «завоеванием» брежневского периода, я думаю, можно не доказывать — достаточно одной фигуры Гришина. Что она свалила Ельцина — тому есть множество свидетельств. Я, например, помню очень интересное интервью Полторанина на эту тему, которое он дал одной итальянской газете.

В начале пьесы мы относимся к Ельцину с полной симпатией. Но мы показываем, как движению истории формирует и передвигает людей. И политиков, и простых граждан. Один из главных «персонажей» в пьесе — московская очередь. У нас большая сцена, и

на ней выстраивается очередь. Вначале люди безобидны, спокойны, но по мере стояния очередь сатанеет. Кто-то говорит, что ждать незачем, большевики все уже сожрали, кто-то возражает, что не большевики сожрали, а евреи. Потом начинают цепляться к кому-то: а ты что здесь стоишь, ты грузин, что ли, тебе что здесь надо? Ну, и так далее. Есть у нас и «греческий хор» — три уборщицы. Они все время крутятся на сцене, работают, они все время встречаются в действие — такой вот «глас народа». Они и с Ельциным могут разговаривать, когда он в кабинете. Одна из уборщиц, Зоя, очень осведомленная, у нее любовник в КГБ, узнав, что Ельцина вытряхнули из Политбюро, подходит к нему и говорит: «Ладно, Борис Николаевич, мы-то с вами! Главное — вы не уходите...» И он начинает плакать.

— А чем же не нравятся вам наши радикалы?

— Тем, что они — если судить хотя бы по Моссовету — стремятся к авторитарному популизму. У меня ощущение, что многие из них — не очень моральные люди. И им хочется прежде всего подуматься о себе. О чем говорить, если даже один из самых передовых депутатов позволил себе стать президентом коммерческого банка — неслабачное дело! — и при этом считал себя экспертом... по американской политической системе?

— У вас в пьесе Раиса Максимовна — генеральный советник своего мужа. И ее политические характеристики влияют на оценки Горбачева. Вы думаете, так оно есть и на самом деле?

— Я ждал этого вопроса! Вы здесь сразу раздражаетесь, когда говорите о Раисе. Интересно — почему?

— Моя приятельница объяснила: нас много — она одна. Но все-таки?

— Разве не естественно говорить о делах со своей женой? Разве вы не обсуждаете все — ну, основные — дела со своим мужем? И разве ваш муж не влияет на вас, а вы — на него? И потом, помните знаменитое американское интервью Горбачева, когда его спросили, все ли он говорит своей жене, и он ответил: все!

— Если это общепринято, что же в этой паре так будоражит европейское воображение?

— Боже мой, это же первая появившаяся на людях жена советского лидера! Кроме Крупской, которая, впрочем, была фигурой самодеятельной и никого, кроме себя, не представляла, у советских лидеров не было жен! Их никто никогда в глаза не видел!

— Может, это и к лучшему...

— Появление Раисы означает, что вы отошли от традиции. Слава богу! Далее. Мы писали пьесу для Королевского Шекспировского театра, а это тот театр, куда попросила отвезти себя Раиса во время первого визита Горбачева в Англию, когда он еще и не был Горбачевым. Актриса, которая водила ее по театру — Раиса приехала без всяких

Сара КЕСТЕЛЬМАН и Дэвид КОЛДЕР в пьесе «Московское золото»

предупреждений, — рассказала мне, как поразило ее знание Раисой Шекспира и постановок их театра. Так что, я думаю, дело не в Раисе — это вы традиционно не любите своих первых женщин.

— Поговорим тогда о ваших. Как вы отнеслись к отставке Маргарет Тэтчер?

— Сначала я скажу вам, как отнеслись к этому событию простые люди: они устроили праздник. В метро, например, те, кто информирует о движении поездов, вдруг в динамик объявили: хорошие новости! Маргарет Тэтчер ушла в отставку! И люди высыпали на платформу, обнимались, целовались, а на улицах даже даром угощали выпивкой. Я же лично почувствовал себя обворованным консервативной партией. Три последних года все опросы показывали, что лейбористы опережают консерваторов на 10—15 процентов. Мы все ждали, когда ее скинут, мы надеялись положить ее на лопатки — для здоровья британской демократии было бы лучше, если бы она провалилась на выборах, если бы за нее и весь ее брежневизм не проголосовал бы народ. А теперь — меня словно обокрали!

— Вы видите брежневизм в тэтчеризме?

— Конечно. Тэтчеризм, как у нас брежневизм, словно одеяло набросил на страну. Одеяло конформизма. От него очень пострадала английская культура, театры, например, достаточно натерпелись от тэтчеровских шуток. Она распорядилась назначениями на Би-би-си и принесла много вреда.

— Она осуществляла идеологический контроль?

— Безусловно! Во времена Тэтчер британская пресса стала более конформной, чем когда бы то ни было. 90 процентов британской прессы оказались в руках трех человек: Мэрдока, Максвелла и Конрада Блэка, причем Руперту Мэрдоку, который мог прийти к ней в любое время, Тэтчер позволила купить и телевизионный канал.

— Странно, вас так раздражает намордник, который пыталась набросить на культуру Тэтчер, но вы, кажется, с нежностью относитесь к одному из главных творцов идеи всеобщего намордника — я имею в виду Троцкого и передачу о нем, подготовленную вами, ее показывали по нашему телевидению. Вы серьезно думаете, что он лучше других? Своих соратников?

— Между Сталиным — с одной стороны — и Лениным, Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Каменевым была разница фундаментальная. Все они принадлежали к традиции европейской интеллигенции, были сформированы европейской социал-демократией с ее привычкой к политическим дискуссиям. Сталин же был совершенно иное. Ирония истории заключалась в том, что группа молодых интеллигентов, передовая часть европейской интеллигенции пыталась прийти к власти в самой отсталой в Европе стране. Конечно, они наделали кучу ошибок, но не забывайте и об общем фоне, не забывайте, как американ-

цы расправлялись с несогласными, как они изгоняли итальянцев, как расстреливали забастовщиков.

— Вероятно, привычка к европейским политическим дискуссиям динтовала юристу Ленину его небезызвестные записки Курскому о применении расстрела. Или решение о запрете всех политических партий, принятое вместе с Троцким.

— Да, беда в том, что большевики считали создание демократических институтов делом второстепенным. Запрещение политических партий и для меня — один из ключевых моментов в после-революционной истории. Принимая это решение, Ленин и Троцкий не отдавали себе отчета в том, что приговорили и свою собственную большевистскую партию. Потому что следующий шаг — это недопустимость разногласий уже в самой партии... Правда, надо вспомнить и о контексте, в котором все происходило: двадцать две армии участвуют в интервенции, экономическая блокада, голод.

— Я помню аргументы по «Краткому курсу».

— Я говорю об истории!

— Но то, что вы говорите, открывает пропасть между европейской, либеральной-интеллигентской оценкой нашей истории — и, судя по всему, современной — и нашей собственной ее оценкой. Мы-то здесь знаем, что Ленин и Троцкий не «делали ошибок», а вели корабль твердой рукой и намеченным курсом.

— И все-таки я вам скажу: не идеализируйте Европу! То, что делала Европа, — скажем, Бельгия в Конго. Или Америка в Хиросиме.

— Я вижу на столе вашу новую книгу. Она опять о политике?

— О политике. Это сатирический роман «Искушение». Я написал о явлении, которое назвал для себя политическим фундаментализмом — по аналогии с мусульманским фундаментализмом. У этого романа есть драматургическая предыстория. Мы с Брентоном написали пьесу о Салмане Рушди — для этого же театра. Актеры устроили читку, позвали меня, и когда я приехал в Эдинбург и явился в театр, увидел лица, которые никогда в театре не увидишь: половина зала была занята мусульманами. Многие из них были очень молоды, но видели бы вы, какими глазами они на меня смотрели! Я вступил в дискуссию с мусульманами — я был единственным, кто это сделал, и стал защищать Рушди. Я спросил: как может помешать им роман, который они, во-первых, никогда не читали и, во-вторых, читать не намерены? Конечно, затеялась свара — это была первая свара между английскими мусульманами и такими, как я. И тогда меня поразила вера в догму, полное отсутствие сомнений в своей правоте.

Вечером я возвращался поездом в Лондон. И думал о сталинизме. И о догматизме многих троцкистских групп. Вообще о политическом догматизме, лишаящем человека главного его достоинства — способности мыслить. В ту ночь я решил, что обязательно напишу книгу о политическом фундаментализме.

— Тарик, считаете ли вы закономерной эволюцию от бунтаря-левана к исследователю и борцу с политическим фундаментализмом? Меня это интересует и потому, что на нашу политическую арену стали выходить студенты — мне хотелось бы знать, чего ждать от них лет через пятнадцать — двадцать?

— Для меня этот итог закономерен. Когда я участвовал в студенческом движении, это были шестидесятые годы, казалось, что в одной из европейских стран революция неминуема, настолько мощным было рабочее движение. Можно сказать, что с середины 60-х по середину 70-х маятник резко пошел влево, потом — так же резко — он пошел вправо. 75-й год стал для меня поворотным, я предельно ясно понял, что единственный способ, которым можно добиться социализма, это путь демократических преобразований. За плечами уже была Чехо-Словакия и надо было выбирать: либо ты продолжишь орать о социализме, старательно зажмурив глаза, не замечая ничего, как попугай, — и тогда остаток жизни проводишь в узкой секте единомышленников, либо пробуешь отойти от этого стиля, пытаешься обдумать все, анализировать и видеть жизнь такой, какая она есть, а не под углом определенной догмы. Я выбрал второй путь.

Интервьюер
Ирма МАМАЛАДЗЕ